

СТИВЕН КИНГ ПОРАЖЕН...

БЕНТЛИ ЛИТТЛ

ДОМ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л64

Bentley Little
THE RETURN

Copyright © Bentley Little, 2002. All rights reserved.

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Дизайн переплета *А. Саукова*

Литгл, Бенгли.

Л64 Дом / Бенгли Литгл ; [пер. с англ. С. М. Саксина]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Стивен Кинг поражен...).

ISBN 978-5-699-84568-2

Эти пятеро людей из разных городов Америки – четверо мужчин и одна женщина – не были знакомы раньше, и ничего похожего в них нет. За исключением одного. У всех пятерых было весьма необычное детство, прошедшее в пяти домах, как две капли воды похожих друг на друга. И каждого преследуют одинаковые кошмары, мучающие их всю жизнь. Но настал момент, когда все их страхи, подпитываемые некоей злой силой, стали являться на самом деле. И тогда им пришлось вернуться туда, где все это когда-то началось, – чтобы разобраться в том, что происходит. Пятеро людей приехали каждый в свой дом, зашли внутрь... и оказались вместе, в одном Доме. Потому что, оказывается, он у них общий. И Зло, с которым им придется сразиться, – тоже общее...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84568-2

Спасибо моим родителям Ларри и Розанне за дом, в котором я вырос, и спасибо моей жене Вай Сау за дом, в котором я живу.

Также спасибо моему агенту Доминик Эйбел. Это десятилетие было долгим, странным... но мы по-прежнему здесь.

Пролог

Штат Калифорния

Тедди жил в аэропорту вот уже восемь лет.

Он понимал, что это плохо, понимал, что это серьезное психическое заболевание, но за все это время ни разу не смог заставить себя покинуть здание аэровокзала. Тедди не помнил точно, что именно вынудило его укрыться здесь, однако теперь это уже не имело значения. Здесь был его дом, здесь был его мир, и он был здесь счастлив. Деньги Тедди подбирал с пола — мелкие монетки, выданные на сдачу торговыми автоматами и телефонами; а если подпирало, занимался попрошайничеством. Еду покупал в дешевых кафе и закусовых, а их в аэропорту было изобилие. Шорты и футболки покупал или просто воровал в магазинах сувениров. Бесплатным чтивом ему служили газеты и журналы, оставленные другими людьми, — печатные издания, купленные, чтобы скоротать время в ожидании вылета.

Здание аэропорта, отапливаемое зимой и освежаемое кондиционерами летом, работало круглосуточно и всегда было заполнено народом, — поперечный разрез человеческого общества. Здесь Тедди никогда не было скучно. Он всегда находил себе собеседника, одинокого путешественника или человека, встречающего своего родственника, заводил с ним разговор, жадно впитывая события чужой жизни, сочиняя впечатляющие выдумки о своей собственной, а затем двигался дальше, обогащенный этой мимолетной встречей.

Как говорится, Тедди был человеком общительным, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как знакомиться с новыми людьми, заводить новых друзей, говорить и слушать, ощущая жизнь, от которой он сам отказался.

Тедди тщательно следил за собой. Вещи свои он держал в камере хранения, белье менял ежедневно, стирая его по ночам в туалете, а затем высушивая феном. Тело регулярно протирал влажными салфетками, голову мыл шампунем из дорожного несессера, приобретенного в магазине сувениров. Если не считать тех редких случаев, когда ему приходилось заниматься попрошайничеством, никто бы не принял его за бездомного; он провел здесь уже столько времени, что знал график работы всех заведений, знал, когда сотрудники службы безопасности совершают обход и какими маршрутами движутся, и поэтому без труда избегал нежелательных встреч с обслуживающим персоналом. С другой стороны, продавцы, официанты, сторожа видели его так часто, что принимали за человека, который много летает, и относились к нему с необычайным уважением.

Однако в последнее время у Тедди появились подозрения, что он здесь не один.

Что-то жило в аэропорту рядом с ним.

От этой мысли его охватывала ледяная дрожь. Не было ничего определенного, никаких существенных доказательств, а только смутное ощущение того, что в его жизненное пространство вторгся какой-то другой обитатель, однако этого было достаточно, чтобы он постоянно был как на иголках.

Здесь обитало еще что-то.

Не кто-то.

А именно *что-то*.

Тедди сам не смог бы объяснить, почему он это решил, но дело обстояло так, и это приводило его в ужас. Он знал, что в случае чего сможет покинуть здание

аэровокзала, покинуть аэропорт, затеряться в беспорядочной суете Лос-Анджелеса, однако даже не рассматривал такую возможность. Рассудок, здравый смысл подсказывали ему поступить именно таким образом, однако чувства говорили совершенно другое. Была ли загвоздка в суеверии или психозе, но Тедди понимал, что никогда не сможет покинуть аэропорт, и, следовательно, все подобные варианты были исключены.

А это означало, что он навсегда застрял здесь.

Вместе с тем неизвестным, что также обитало в аэропорту.

При свете дня эта мысль не особенно беспокоила Тедди. Но с наступлением ночи, как, например, сейчас, когда толпы редели, когда освещение наполовину приглушалось, когда мир снаружи исчезал во мраке...

Тедди поежился.

На прошлой неделе он как-то раз вернулся из туалета, после того как быстро вымыл голову, на свое кресло у окна во всю стену на восточной стороне крыла «Дельта», — и обнаружил, что его журналы передвинуты. И не просто передвинуты. С ними *повозились*. Страница в «Ньюсуике» с понравившейся ему статьей была вырвана, «Плейбой», спрятанный среди прочей периодики, оказался на самом верху, раскрытый на центральном развороте, а журнал «Пипл» сброшен на пол. В течение последнего часа в этом крыле здания аэропорта не было ни души, и по дороге в туалет и обратно Тедди никого не встретил, однако доказательства были налицо. Быстро собрав свои пожитки, он поспешил в более многолюдную часть аэровокзала.

В следующую ночь у Тедди с собой не было ни газет, ни журналов, и он уже приготовился немного вздремнуть, как вдруг увидел на креслах, которые присмотрел для устройства ночлега, разложенные журналы «Оружие и боеприпасы», «Охота», «Американский охотник», «Охотник и добыча». На полу перед креслами красова-

лись нарисованные пролитым малиновым джемом контуры окровавленной лапы, а рядом с нею — хищный оскал.

Это *что-то* охотилось за ним.

Тедди понял, что это предостережение. Или же с ним вели игру. Так или иначе, ему это не понравилось, и он, вдруг заметив, что народ в этой части аэровокзала начинает редеть и снаружи уже опустилась ночь, спешно собрал свои пожитки. Тедди увидел свое отражение в огромном окне, выходящем на взлетно-посадочную полосу — призрак на фоне непроницаемого мрака, — и эта бесплотность собственного образа напугала его, наполнила ошущением того, что он уже умер.

Тедди быстро направился обратно к магазинам. После первого предостережения он старался держаться рядом с людьми, рядом со светом. Охранники уже несколько раз подозрительно поглядывали на него, и он понимал, что рискует выдать себя, но ничего не мог с собой поделать. Ему было страшно оставаться в одиночестве.

Тедди боялся того, что *это* может его найти.

Боялся, что *оно* сделает ему что-то плохое.

Торопливо идя к магазинам, Тедди обернулся. В дальнем конце погруженного в полумрак крыла, у пустых стоек регистрации, которые когда-то занимала компания «Пан Американ», он увидел иссиня-черную тень, передвигающийся бесформенный силуэт, скользнувший по пустынному коридору к креслу, в котором он сидел еще минуту назад.

Тедди перешел на бег. По его лицу градом струился пот, сердце бешено колотилось. Его охватило нелепое, но стойкое ощущение того, что эта тень, существо, чудовище, чем бы оно ни было, заметило его и теперь гонится за ним — и вот-вот настигнет и сожрет прямо перед закусочной.

Однако Тедди добрался до закусочной без проблем, увидел охранника, кассиршу, мужчину в костюме за

столиком, читающего газету, молодую пару, пытающуюся успокоить плачущего ребенка, и, когда оглянулся, в тускло освещенном крыле не было ничего необычного.

Тяжело дыша, все еще трясясь, Тедди вошел в закусочную. Он сознавал, что выглядит не лучшим образом, поэтому, подойдя к стойке и попросив стакан воды, отер со лба пот и, перехватив взгляд, который бросила на охранника кассирша, тотчас же сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько монеток и заказал кофе.

На самом деле кофе Тедди не хотел, но ему нужно было сесть, прийти в себя, нужно было побыть рядом с другими людьми, и он, поблагодарив кассиршу, уселся рядом со столиком с подносами в углу маленького зала.

Черт возьми, что происходит? Неужели он сходит с ума? Возможно. Тедди прекрасно понимал, что он, скажем прямо, и так не самый нормальный человек на свете. Однако сейчас он был уверен в том, что это не галлюцинации, что он не страдает от видений. Что-то *определенно* повозилось с его журналами, что-то *определенно* нарисовало зловещее изображение на полу.

И он *определенно* видел черную тень.

Тедди поднял взгляд. Охранник по-прежнему подозрительно поглядывал на него, и он подумал, что ему следует посмотреться в зеркало и привести себя в порядок. Нельзя разбить всю свою жизнь, разрушить создававшийся на протяжении почти целого десятилетия чистый, благопристойный уклад только потому, что ему страшно.

Потому что за ним что-то охотится.

Рядом с закусочной был туалет, и Тедди, оставив на столике газету, портфель и кофе, направился туда.

— Вы не могли бы присмотреть за моими вещами? — бросил он официантке, постаравшись изобразить тон Важного Путешественника.

— Конечно, — улыбнулась ему та.

— Благодарю вас.

У него на душе стало чуть легче. Его маскарад не раскрыт, он здесь в безопасности, в окружении других людей. Пройдя в туалет, Тедди посмотрел на себя в зеркало. Сегодня он еще не брился, и на щеках уже проступала неопрятная щетина, однако сейчас главной проблемой были слипшиеся от пота волосы, поэтому Тедди достал расческу, сполоснул ее под струей из крана и провел по голове.

Так гораздо лучше.

Внезапно поймав себя на том, что ему нужно отлить, Тедди подошел к ближайшему писсуару, расстегнул молнию на ширинке...

...и краем глаза увидел бесформенную черную тень.

Она лишь на какое-то мгновение задержалась в зеркале, но Тедди уже стремительно обернулся, застегивая ширинку. Во рту у него пересохло, сердце снова колотилось.

Ему на плечо легла холодная рука.

— Нет! — завопил он, отшатнувшись в сторону.

Но у него за спиной никого не было.

Тедди со всех ног выбежал из туалета.

Штат Вайоминг

Мне мать сказала бы, что это предзнаменование, и Пэтти в общем-то была склонна с нею согласиться. Если бы она рассказала все Хьюбу, тот бы высмеял ее саму, ее мать и вообще всю ее родню, посоветовал бы отправиться назад в Средневековье, однако Хьюб знал далеко не все. Наука могла объяснить многое, но еще много оставалось такого, что до сих пор не поддавалось объяснению, а Пэтти не настолько заостенела, чтобы автоматически отмахиваться от всего, что не вязалось с ее сложившимися убеждениями.

Она уставилась на ворону, усевшуюся на мусорный бак. Та выдержала ее взгляд, моргнула.

Ворона уже сидела здесь, когда Пэтти вышла из дома, чтобы развесить белье, — самая большая ворона из

всех, каких она когда-либо видела, и птица не улетела, когда Пэтти проходила мимо нее, а осталась на месте и наблюдала за тем, как она развешивает на веревке нижнее белье, носки и полотенца. Пэтти прикрикнула на нее, топнула ногой, сделала угрожающее движение, но ворона нисколько не испугалась. Казалось, она понимала, что женщина ее не тронет, и спокойно занималась своими делами. Ворона не собиралась улетать до тех пор, пока не сделает то, ради чего сюда прилетела.

Пэтти не могла сказать, в чем тут дело, но ее не покидало ощущение, что ворона пытается о чем-то предупредить ее, что птицу прислали сюда с какой-то целью, чтобы что-то ей сообщить, и она, Пэтти, должна была сама догадаться, в чем дело.

Ей очень хотелось, чтобы рядом была ее мать.

Пэтти еще какое-то время тарасилась на ворону, затем прошла мимо нее в дом. Надо будет позвонить матери. Вот что она сделает. Она опишет ворону, восстановит точную последовательность событий, и, может быть, мать определит, в чем тут дело.

Когда Пэтти входила в дом, ворона каркнула один раз. А затем — еще дважды в то самое мгновение, когда она взяла телефон на кухне и стала набирать номер.

Пэтти пожалела о том, что рядом нет Хьюба. У него наверняка нашлось бы какое-нибудь остроумное объяснение тому, почему воронье карканье так точно совпало по времени с действиями его жены, но Пэтти не сомневалась в том, что даже от него не укрылась бы эта странная взаимосвязь.

Линия оказалась занята, и Пэтти, кладя трубку на телефон, услышала еще одно резкое карканье. Открыв дверь на улицу, она взглянула на мусорный бак, но вороны там уже не было. Вернувшись в дом, Пэтти быстро прошла по комнатам, выглядывая в окна, но вороны нигде не было видно. Ни на крыше, ни на крыльце, ни на земле, ни на деревьях. Да и в небе не было ни одной птицы. Ворона словно бесследно растаяла.

Выйдя на крыльцо, Пэтти огляделась по сторонам. Вдалеке величественно возвышались Тетоны, увенчанные шапками вечного снега, сливающимися с ясным бело-голубым осенним небом. Прямо впереди за пастбищем начинались луга, заросшие бурой пожухлой травой, плавно поднимающиеся вверх по склону, и конец этих лугов переходил в подножие гор.

Пэтти посмотрела вправо, туда, где стоял гараж, но не увидела поднимающиеся над дорогой клубы пыли.

Она подумала о том, как было бы хорошо, если бы Хьюб поскорее вернулся домой. Он уехал в город за кофе и мукой, но ей начинало казаться, что его нет уже слишком долго. Хотелось надеяться, у машины не возникли проблемы с двигателем. Меньше всего им сейчас нужен еще один счет из автосервиса. Хьюб до сих пор выплачивал кредит за купленный в июле водяной насос. Новых дополнительных расходов они позволить себе не могли. Особенно если учесть, что не за горами зима.

Возвращаясь в дом, Пэтти машинально постучала ногами о порог, хотя по земле сейчас не ходила. Пройдя в гостиную, она направилась к телефону на маленьком дубовом столике у дивана, чтобы еще раз позвонить матери, как вдруг краем глаза заметила за сеткой на входной двери какое-то движение. Застыв на месте, Пэтти медленно положила трубку на рычажки и вернулась к двери.

Они приближались со стороны гор. Огромная толпа. Это было похоже на маленькую армию, несущуюся вниз по пологому склону.

И действительно, это была *маленькая* армия.

Ибо все бегущие были ростом с ребенка. Это было видно даже на таком расстоянии. Но только это были не дети. Что-то в строении их тел, в характере движений указывало на то, что они старше.

Значительно старше.

Добежав до высокой травы, они нырнули в нее, и теперь Пэтти видела только колыхание стеблей, похожее

на узкую полоску, оставленную дуновением ветерка на лугу.

Кто они? Эльфы? Гномы? Определенно, что-то сверхъестественное. Не карлики и не дети. Даже на таком удалении бросалось в глаза, что они какие-то странные, не от мира сего. Это были не человеческие существа.

Высокая трава колыхалась взад и вперед. Узкая движущаяся полоска направлялась прямо к ранчо. Пэтти стояла на месте, не шелохнувшись. Она поймала себя на том, что ей совсем не страшно.

Но вскоре все изменилось.

Трава перед пастбищем судорожно задергалась, и они выбежали на открытое место, потрясая оружием, сделанным из бейсбольных бит, звериных черепов, подков и костей. Они были разрисованы как клоуны: красные носы, белые лица, намалеванные губы, разноцветные волосы.

Но только Пэтти сразу же поняла, что это не грим.

Они выбежали на пастбище из высокой травы. Пятеро. Десятеро. Пятнадцать. Двадцать. Ничто не могло замедлить их продвижение. Их коротенькие ноги с силой отталкивались от земли, пронося тела мимо скопления валунов посреди пастбища, перебрасывая их через невысокую ограду, которую Хьюб соорудил для коров. Следом за ними несло что-то, похожее на тучу насекомых. Вероятно, это были пчелы. Или жуки.

Пэтти поспешно закрыла входную дверь, заперла ее на замок. Однако, еще занимаясь этим, она уже чувствовала, что не будет в безопасности в своем доме. Единственной надеждой на спасение было бежать, покинуть дом в расчете на то, что неизвестные создания задержатся в нем на какое-то время, дав ей возможность скрыться. Пэтти понятия не имела, с чем ей предстоит иметь дело и что им нужно. Теперь она уже с трудом верила в то, что у нее хватило ума просто стоять на крыльце и наблюдать за приближением этих тварей, в то время как нужно было срочно уносить ноги.

Теперь Пэтти понимала, предвестником чего было появление вороны. Птица явилась предзнаменованием, предостережением, и она, Пэтти, вероятно, догадалась бы, в чем дело, если бы обращала чуть больше внимания на наставления матери, а не на парней.

Пэтти выбежала из дома через черный вход и заперла за собой дверь. У нее в сознании промелькнула вся ее жизнь. Критика собственных изъянов и недостатков, разбор задним числом ошибок и просчетов. Наверное, итогом всего этого должна была стать мысль о том, что, если бы в прошлом она вела себя по-другому, сейчас она не оказалась бы в этом безвыходном положении, но все же Пэтти на самом деле не верила, что это могло бы.

Нельзя рассчитывать на то, что ей удастся убежать от этих созданий. Пэтти это понимала. Поэтому она побежала к сараю в надежде, что если спустится в погреб и запрется изнутри, то будет спасена. Дом отделял ее от преследователей, и Пэтти надеялась, что он скроет ее передвижения, спрячет ее — по крайней мере, до тех пор, пока она не спустится в погреб. Однако еще прежде чем она успела добежать до сарая, позади послышались стук костей, кряхтение и шумное дыхание. Пэтти оглянулась на бегу: твари настигали ее, двигаясь быстрее, чем это было в человеческих силах, обтекая дом с обеих сторон, пробегая по земле. Крошечные ручонки хватали ее за бедра, лезли между ног, чтобы схватить за промежность. Пэтти оказалась окружена со всех сторон, и когда ручонки тех, кто был сзади, повалили ее, она упала на тех, кто находился впереди. Один, судя по всему, предводитель, взобравшись на колоду справа от бельевой веревки, прыгал на ней, потрясая маракасом, сделанным из крысиного черепа.

Твари оказались еще меньше размером, чем казалось Пэтти сначала — не больше двух футов, — но они обладали могучим телосложением, все были вооружены,

и их было слишком много. Они перевернули Пэтти на спину, и один зажал ей голову с обеих сторон. Двое схватили ее левую руку, двое — правую, и еще по двое схватили обе ноги, распластав ее на земле.

Одна тварь по-прежнему упорно цеплялась за ее промежность.

Пэтти истерично разрыдалась, но даже сквозь слезы она увидела, что ошиблась вначале. Вокруг созданий роились не пчелы или жуки, а несметные полчища букашек. И все они были какими-то странными, не такие, как нужно, в корне измененные и пугающе неправильные разновидности обыкновенных насекомых.

На лицо Пэтти опустилась бабочка с головой кричащего младенца. Плюнув ей на нос, она улетела.

Пэтти понимала, что умрет, и кричала изо всех сил в надежде на то, что кто-нибудь — возвратившийся Хьюб, проходящий мимо турист, заглянувший в гости сосед — услышит ее, однако похожим на клоунов чудовищам, судя по всему, не было до этого никакого дела, и они даже не пытались зажать ей рот. Они позволяли Пэтти вопить сколько душе угодно, и это безразличие, уверенность в том, что никто не придет на помощь, больше, чем что бы то ни было, убедило ее в полной безнадежности положения.

Создание, державшее ее за голову, посмотрело ей в лицо, раскрыло рот, и с его зеленых губ слетели звуки пианино.

Предводитель с маракасом из крысиного черепа, прыгающий на колоде, указал на Пэтти и что-то крикнул, и у него изо рта вырвались звуки струнного квартета.

Пэтти уже не кричала, а беззвучно плакала, всхлипывала, и смешанные с соплями слезы скапливались в углублениях у нее на лице.

Ей на грудь положили череп опоссума.

Словно во сне Пэтти услышала шум подъезжающей к дому машины Хьюба, услышала, как он захлопнул